

Весной 2004 года министр образования и науки А. Фурсенко объявил о предстоящем в скором времени введении в школьную программу новой дисциплины – истории мировых религий. Анонсированный педагогический проект подвергся жесткой критике с двух противоположных позиций. Одни осудили его как шаг к клерикализации образования*, другие – прежде всего, представители Русской Православной церкви – как, по существу, атеистическую альтернативу курсу основ православной культуры, уже преподающемуся факультативно в некоторых российских школах.

Если дело дойдет до широкомасштабной практической реализации этого замысла, он неизбежно окажется в поле зрения СМИ, общественных организаций, политических сил. Уже поэтому мы сочли интересным заранее, не дожидаясь всплеска общественного внимания к данной теме, выяснить, как воспринимается рядовыми гражданами сама идея привнести в школьную программу некие знания, касающиеся религии, и, таким образом, понять, на какую почву упадут доводы сторонников и противников нововведения. Иначе говоря – разобраться в том, какой из трех подходов, фактически сталкивающихся в дискуссиях по этому вопросу: за преподава-

Г. Кертман

“История религии” в школе: новая учебная дисциплина или обучение дисциплине по-новому?

ние истории религий, за преподавание основ православной культуры и против обеих версий “религиозного просвещения”, – ближе нашим соотечественникам, больше соответствует их мировоззренческим установкам и социальным ожиданиям.

Однако, задавшись такой целью, мы оказались в сложной ситуации. Дело в том, что, хотя и по изначальной интенции, “сверхзадаче”, и по своему содержанию история мировых религий и основы православной культуры – это принципиально разные дисциплины, было бы несколько опрометчиво априори исходить из того, что качественные различия между данными предметами (один из которых еще вообще не преподается, а другой – преподается недавно и в очень немногих школах) очевидны для “среднего россиянина”. Выяснение того, как наши сограждане интерпретируют эти педагогические проекты, ориентируясь практически исключительно на названия новых учебных дисциплин, – и, в частности, в какой степени они различают маркированные этими “брендами” подходы к “религиозному просвещению” – должно было, по сути, стать одной из задач исследования.

По данным общероссийского опроса населения от 18–19 декабря 2004 года в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон страны. Метод опроса – интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. 1500 респондентов. Дискуссионные фокус-группы (ДФГ) проводились с 14 по 16 декабря 2004 г. в Воронеже, Москве и Санкт-Петербурге.

* Московские педагоги, выступающие против введения курса истории религий, в ноябре 2004 г. учредили организацию, название которой – “Учителя против клерикализации образования” – воспроизводит это обвинение.

Но в таком случае вести беседу об обеих дисциплинах с участниками одного и того же опроса было бы некорректно. И вот почему. Представим, что, начиная разговор на эту тему, мы не сообщили бы респондентам, что речь пойдет о двух разных учебных предметах, и стали бы спрашивать их сначала об одном, а затем – о другом. Тогда, высказывая то или иное суждение относительно, например, целесообразности преподавания истории мировых религий, участник опроса еще не знал бы, что оценивает лишь один из вариантов “религиозного просвещения” школьников. А узнал бы о существовании альтернативы позже – лишь услышав аналогичный вопрос относительно курса основ православной культуры. Ясно, что мы получили бы заведомо несопоставимые результаты, поскольку во второй части беседы принципиально изменился бы сам алгоритм формирования суждений респондентов.

Представим теперь, что мы с самого начала предупредили участников опроса: разговор пойдет о двух разных дисциплинах, имеющих отношение к религии. Мало того, что в этом случае мы лишились бы возможности выяснить, в какой мере различия между данными учебными предметами улавливаются россиянами “в естественных условиях” – по смыслу названий. Искусственно акцентировав внимание респондентов на этих различиях, мы навязали бы им весьма жесткие рамки интерпретации соответствующих педагогических проектов: ведь в созданной таким образом “лабораторной ситуации” опрашиваемые фактически выражали бы свое отношение уже не просто к идее преподавать школьникам историю мировых религий, а к замыслу преподавания “такого курса истории религий, который не являлся бы курсом основ православной культуры”. И наоборот.

Исходя из этих соображений, мы включили практически идентичные блоки вопросов, посвященные теме преподавания истории мировых религий (ИМР), в одном случае, и основ православной культуры (ОПК) – в другом, в разные опросы, проведенные, однако, одновременно*. Но последний вопрос был сформулирован одинаково: респондентам, говорившим до этого о каком-либо одном из вариантов “религиозного просвещения”, предлагалось напоследок сделать выбор между двумя вариантами – или отказаться от такого выбора. С распределений ответов на этот итоговый вопрос мы и начнем знакомиться с результатами исследования (табл. 1).

Как видим, российские граждане в целом весьма позитивно относятся к идее включения в школьную программу какого-либо курса, так или иначе связанного с религиозной тематикой. Лишь один из десяти респондентов категорически отвергает оба варианта “религиозного просвещения”. При этом большинство опрошенных, давших тот или иной ответ на данный вопрос, считают целесообразным преподавать в школе обе дисциплины. Такая позиция может интерпретироваться двояко: с одной стороны, респонденты могут сознавать, что речь идет о двух принципиально различных курсах, но не считать их взаимоисключающими и высказываться за “мирное сосуществование” в школьной программе двух подходов к “религиозному про-

Российские граждане одобряют идею включения в школьную программу какого-либо курса, связанного с религиозной тематикой

Таблица 1

	Тема опроса – ИМР	Тема опроса – ОПК
В средствах массовой информации сегодня обсуждается вопрос, следует ли преподавать в школе историю мировых религий и основы православной культуры. Какая из перечисленных позиций Вам ближе?		
В школе следует преподавать и историю религий, и основы православной культуры	45	52
В школе следует преподавать только историю религий	24	12
В школе следует преподавать только основы православной культуры	7	8
В школе не следует преподавать ни историю религий, ни основы православной культуры	10	10
Затрудняюсь ответить	14	17

* Единственное различие – в том, что респондентам, которых спрашивали о преподавании основ православной культуры, был задан один дополнительный вопрос.

Таблица 2

	Тема опроса – ИМР	Тема опроса – ОПК
Как Вы относитесь к идее ввести преподавание истории религий (основ православной культуры) в средней школе – положительно, отрицательно или Вам это безразлично?		
Положительно	63	59
Мне это безразлично	15	17
Отрицательно	14	14
Затрудняюсь ответить	8	10

свещению»; с другой – они могут полагать, что эти дисциплины близки, если не идентичны, что они соотносятся между собой как части единого учебного предмета – примерно так же, как алгебра и геометрия или ботаника и зоология. Ниже мы попытаемся разобраться в том, какая из этих интерпретаций позиций большинства респондентов более достоверна, но прежде – обратимся к мнениям меньшинства: тех, кто определенно отдал предпочтение той или иной дисциплине.

Решительно высказались в пользу преподавания основ православной культуры, отвергнув альтернативный вариант, сравнительно немногие – 7% участников одного опроса и 8% – другого. Причем ответы респондентов, считающих себя православными (в одной выборке таковых оказалось 59%, в другой – 56%*), практически не отличаются от средних показателей: соответственно 8 и 9%.

Значительно чаще респонденты занимали противоположную позицию: за преподавание истории религий и против введения курса основ православной культуры. Различия в ответах участников двух опросов легко объяснимы: в одном случае история религий воспринималась в качестве “основной” версии “религиозного просвещения” (респондент уже ответил на ряд вопросов, посвященных перспективе введения этого предмета), в другом – в качестве альтернативной (предшествовавший разговор касался основ православной культуры). Но даже во втором случае, когда о возможности введения курса истории религий участники опроса слышали на исходе обсуждения темы, этот вариант показался им несколько более привлекательным.

Впрочем, примерно половина участников опросов, как мы видели, высказались за преподавание обоих предметов. Когда же перед ними не стояла проблема выбора, респонденты высказывались в пользу того или иного варианта “религиозного просвещения” еще более определенно (табл. 2).

Разница между долями сторонников преподавания истории религий и основ православной культуры составляет всего 4 пп. Учитывая статистическую погрешность (3,6%), ее можно было бы вообще не принимать в расчет, если бы не одно обстоятельство: это расхождение в значительной степени определяется различиями в суждениях представителей одной социально-демографической группы – участников опроса, имеющих высшее образование. Высокообразованные респонденты гораздо решительнее, чем остальные, высказываются в пользу преподавания истории религий (74%), тогда как за преподавание основ православной культуры они “голосуют” чуть менее охотно, чем остальные граждане (56%). При этом противников введения курса истории религий среди них – практически столько же, сколько и среди россиян в целом (13%), а противников курса основ православной культуры – вдвое больше (28%). Отметим для сравнения, что доли сторонников введения обеих дисциплин среди респондентов с общим средним образованием одинаковы (по 57%), равно как и среди тех, кто среднего образования не получил (56% – за ИМР, 57% – за ОПК), тогда как респонденты со средним специальным образованием несколько чаще высказываются за введение истории религий, чем основ православной культуры (68 и 62%).

* Не считают себя верующими 30% участников одного опроса и 31% – другого, 5 и 7% соответственно заявляют о приверженности исламу, 2 и 1% – о принадлежности к другим религиям, и по 5% в каждом опросе затрудняются ответить на соответствующий вопрос.

Большинство россиян воспринимают два разных педагогических проекта – введение курсов “История мировых религий” и “Основы православной культуры” – как идентичные

Если только высокообразованные респонденты демонстрируют дифференцированный подход к предложениям о введении данных дисциплин, а опрошенные со сравнительно невысоким образовательным уровнем реагируют на эти предложения одинаково, то естественно предположить, что только первые сравнительно часто усматривают различия между двумя моделями “религиозного просвещения”, тогда как большинство россиян воспринимают эти педагогические проекты как идентичные. В пользу этого предположения говорит и сходство аргументации сторонников введения данных учебных предметов: в ответах участников двух опросов на открытые вопросы о том, почему они положительно относятся к идее включить в школьные программы соответствующую дисциплину, очень много общего – хотя есть и определенные различия.

Рассмотрим доводы сторонников обеих версий “религиозного просвещения” повнимательнее (табл.3). Наиболее распространенный аргумент респондентов, высказавшихся в пользу преподавания основ православной культуры, состоит в том, что введение этого курса будет содействовать *духовному и культурному развитию, а также нравственному воспитанию* школьников, – так обосновали свою позицию 21% участников соответствующего опроса, или 42% от числа ответивших на открытый вопрос. В обоснование целесообразности преподавания истории мировых религий этот довод приводился несколько реже – его использовали 15% участников опроса, или 27% ответивших на вопрос.

Естественно, развивая эту мысль, респонденты расставляли акценты по-разному. Одни говорили о необходимости воспитания нравственности, духовности, используя именно данные понятия и нередко подчеркивая, что сегодняшняя молодежь этих достоинств лишена едва ли не начисто.

“Молодежь надо учить духовной жизни”; “религия – это духовность; молодежи в наше время этого не хватает”; “дети озлобленные, телевидение их развращает – надо духовность восстанавливать”; “нужно прививать изначально нравственность”; “надо восстанавливать нравственность” (ОПК).

Таблица 3

	Тема опроса – ИМП	Тема опроса – ОПК
Почему Вы положительно относитесь к идее ввести преподавание истории религий (основ православной культуры) в средней школе?		
Это нужно для общего развития детей, расширения их кругозора	21	5
- расширение кругозора в целом	16	2
- это интересно	1	–
- приобщение к истории и религии своей страны	4	3
Это будет способствовать духовному и культурному росту детей, их нравственному воспитанию	15	21
У людей должна быть вера, они должны бояться Бога	8	8
Это нужно, полезно в целом	5	4
Улучшится обстановка в стране (будет меньше криминала, наркомании и т.п.)	3	4
Это поможет воспитанию терпимости в обществе	1	–
Я верующий(-ая), мы верующие	1	1
В этом нет ничего плохого	2	2
Это поможет детям определить свое отношение к религии	2	–
Детей нужно знакомить с религией, приобщать к ней	–	5
- знакомство с основами религии в целом		1
- знание своей религии, приобщение к православию, православное воспитание		4
Это необязательно, но возможно	–	1
Другое	1	1
Затрудняюсь ответить, нет ответа	8	10
Вопрос не задавался (респондентам, которые относятся к данной идее отрицательно)	37	41

"Необходимо развивать духовность"; "это повлияет положительно на нравственность"; "людей надо более духовно развивать"; "чтобы убрать бездуховность"; "нравственность повысится у детей"; "духовное воспитание необходимо" (ИМР).

Другие выражали надежду на то, что под влиянием соответствующего учебного курса дети станут добрее, терпимее, мягче.

"Дети будут добрее и внимательнее друг к другу"; "это будет воспитывать доброту, сочувствие, доверие"; "надо, чтоб дети были помягче, не такие жестокие, как сейчас"; "люди будут мягче и добрее"; "так чтобы уже не совсем нам в зверей превратиться"; "больше добра в детских сердцах"; "люди становятся терпимее" (ОПК).

"Будут иметь сердце и жалость к людям"; "дети будут добрее и мягче"; "гуманнее будут"; "зная религию, люди будут уважать друг друга"; "лучшие люди будут – чище, добрее"; "молодежь, знакомясь с историей религии, станет добрее"; "так как люди будут мягче, добрее, отзывчивее" (ИМР).

Третьи усматривали предназначение этих дисциплин в том, чтобы давать ученикам верные ориентиры в жизни, помогать отличать добро от зла, воспитывать их достойными, порядочными людьми.

"Формировать надо хотя бы первоначальное понимание того, что можно, а чего нет"; "дети станут порядочными и воспитанными"; "молодежь на правильный путь надо поставить – никого не слушают"; "детям объяснить, что такое добро, оно будет объяснено в школе, а не понаслышке"; "дети вольные – может, будут серьезнее относиться к жизни" (ОПК).

"Чтобы молодежь удерживать в рамках, идею им дать, цель, правила поведения"; "на истинный путь наставят"; "может, знания эти помогут, чтобы дети росли хоть малость порядочными"; "молодежь – тяжелая: пора вводить предмет, который бы научил добру и дал бы понять, что грехи наказуемы" (ИМР).

Четвертые уповали на дисциплинирующее влияние "религиозного просвещения", способного, по их мнению, благотворно сказаться на образе жизни молодых людей, содействовать исправлению нравов и профилактике девиантного поведения.

"Дети совсем распустились – может, религия поможет"; "научит молодежь порядку"; "молодежь развращена – будет сдержаннее"; "может, молодежь будет спокойней, меньше пить будет и наркотики принимать"; "наши дети будут более дисциплинированы"; "когда есть вера в Бога, есть какой-то порядок – этот человек не пойдет грабить на улице" (ОПК).

"Всех приобщат к порядку"; "может, будет дисциплина среди молодежи"; "распущенность уменьшится у молодежи"; "молодежь нужно отвлечь от наркотиков"; "молодежь может исправиться"; "поднимет дух учеников, чтобы не думали о наркотиках и алкоголе" (ИМР).

Как видим, доводы респондентов, полагающих, что преподавание истории религии позитивно скажется на нравственном облике молодежи, во всех нюансах совпадают с аргументами, которые приводят участники другого опроса в пользу введения курса основ православной культуры. Очевидно, что такие упования основаны на трактовке курса истории религий как предмета, не столько дающего ученикам знания о генезисе, эволюции и взаимоотношениях мировых религий, о сходствах и различиях их догматов, ценностных оснований, этических доктрин, практики богослужений и т.д. – ина-

че говоря, не столько просвещающего школьников в этой сфере, сколько приобщающего их к религии, прививающего им религиозное мировосприятие.

Еще более определенно о склонности интерпретировать идею преподавания истории религий подобным образом свидетельствуют высказывания респондентов, прямо обосновывающих свое позитивное отношение к этой идее уверенностью в том, что *людям необходима вера* (некоторые при этом говорят о страхе перед Богом). Причем показательно, что этот довод в равной мере склонны приводить участники обоих опросов: по 8% от общего числа опрошенных.

“Без веры жить нельзя”; “надо прививать молодежи веру в Бога”; “вера облагораживает человека”; “чтобы люди думали, что их может кто-то свыше наказать”; “пусть дети верят в Бога”; “может, будут Бога бояться” (ОПК).

“Без веры нельзя жить”; “детей надо приучать к религии”; “полным атеистом быть невозможно, не рекомендуется”; “надо приучать к вере”; “кого-то должны бояться дети”; “чтобы люди приобщались к Богу”; “хоть чего-то бояться будут” (ИМР).

В связи с этим стоит отметить, что противники введения курса истории мировых религий из числа представителей Русской Православной церкви опасаются – и, видимо, небезосновательно, – что преподавание этой дисциплины может, напротив, препятствовать приобщению молодежи к вере, поскольку в процессе обучения дети будут знакомиться с различными религиозными традициями. Совместимость определенного релятивизма, неизбежного при сравнительно-историческом анализе разных религий, и неколебимой веры в учение одной из церквей действительно проблематична – во всяком случае, когда речь идет не о религиозных мыслителях, а об учениках общеобразовательной школы. Однако подобные опасения абсолютно чужды рядовым гражданам: ни в ответах на открытые вопросы, ни в рассуждениях участников фокус-групп этот мотив не прозвучал ни разу, а уверенность в том, что преподавание истории мировых религий будет способствовать росту религиозности, респонденты, как видим, выражают столь же часто, как и веру в аналогичный эффект преподавания курса основ православной культуры.

Почти одинаковы и доли сторонников введения этих дисциплин, аргументировавших свою позицию ссылками на ожидаемый социальный эффект реализации того или иного педагогического проекта: снижение уровня преступности, наркомании и т.д. Собственно, говорили они фактически о том же, о чем и респонденты, развивавшие мысль об исправлении нравов под воздействием “религиозного просвещения”, но формулировали эту мысль в несколько более прагматическом ключе, акцентируя внимание не столько на переменах в сознании молодежи, которые должны привести к улучшению ситуации в стране, сколько на конечном результате.

“Меньше будет наркоманов и преступников”; “меньше будет насилия и воровства”; “меньше убийств будет”; “будет меньше агрессии”; “меньше будет драк, хулиганья”; “меньше будет наркомании, мата и др.” (ОПК).

“Поменьше будет безобразия на улице”; “не будет наркоманов и проституток”; “меньше криминала станет”; “освобождение от наркотиков и алкоголя, может, произойдет”; “чтобы не было насилия”; “меньше будет хулиганства” (ИМР).

Поскольку трудно предположить, чтобы подобные надежды связывались лишь с перспективой повышения эрудиции детей в вопросах, связанных с религией, остается заключить, что и эти респонденты интерпретируют преподавание истории религий как процесс, стимулирующий обращение учеников к вере.

Еще один довод, примерно в равной мере применяемый сторонниками обеих версий “религиозного просвещения”, состоит в том, что детей необходимо приобщать к истории и религии нашей страны.

коллаж Е. Русс

“Это история России, и мы ее должны знать”; “должны знать свои корни”; “это русская культура – а ее надо знать”; “дети должны знать нашу историю”; “надо знать свои корни, историю” (ОПК).

“Надо знать свою историю”; “это наше прошлое, ребенок должен знать все о религии”; “это наши истоки”; “надо знать свои традиции”; “дети это должны знать, это наши корни”; “люди будут знать историю своего народа” (ИМР).

Таким образом, историко-патриотическая аргументация, абсолютно органичная в контексте обоснования целесообразности преподавания основ православной культуры, широко используется и тогда, когда речь идет о курсе истории религий. Объясняя, почему они положительно относятся к предложению ввести этот предмет в школах, авторы приведенных выше реплик определенно исходят из того, что учеников будут знакомить именно с православной религиозной традицией, а некоторые респонденты говорят об этом недвусмысленно.

“Дети должны знать православную историю”; “мы православные, дети должны это знать”; “православие спасет Россию” (ИМР).

Причем изредка участники опроса, апеллирующие к историко-патриотическим доводам, по-видимому, замечают, что название учебного курса предполагает ознакомление учащихся не только с православием, но и с иными религиозными традициями, и это побуждает их обуславливать свое согласие на данное педагогическое новшество определенными “ограничениями”.

“Если только христианство”; “если только это будет своя вера – православная”; “если только это будет православное христианство, но не буддизм и т.д. – чтобы не забивать детям головы” (ИМР).

Отсюда следует, что одно из различий в аргументации сторонников рассматриваемых проектов, которое вроде бы обнаруживается при сопоставлении их ответов на

идентичные открытые вопросы, оказывается в значительной степени мнимым. Речь идет о группе ответов сторонников преподавания основ православной культуры, маркированной в приведенном выше кодификаторе как “знание своей религии, приобщение к православию, православное воспитание” (4% от всех опрошенных).

“Детям надо прививать любовь к православию, к своей религии”; “надо, чтобы дети были православными и все знали”; “русские должны знать о своей религии”; “православные христиане должны знать истоки истории”; “надо знать историю, молитвы, праздники православной религии” (ОПК).

В ответах сторонников введения курса истории религий такая группа не выделена, однако, как мы видели, ключевая идея, объединяющая эти высказывания (преподавание соответствующей учебной дисциплины должно актуализировать частично утраченную религиозную идентичность русского народа), вполне отчетливо просматривается и в их репликах. Правда, доля апеллирующих к историко-патриотической аргументации здесь несколько меньше, чем среди сторонников преподавания основ православной культуры.

Наиболее же принципиальное различие в доводах респондентов, позитивно оценивающих эти педагогические проекты, состоит в том, что отвечавшие на вопросы о введении курса истории религий гораздо чаще, чем рассуждавшие о курсе основ православной культуры, аргументировали свою точку зрения ссылками на то, что этот предмет будет способствовать расширению кругозора, повышению эрудиции учащихся (соответственно, 16 и 2% от числа всех опрошенных).

“Знания никогда не бывают лишними”; “люди будут более образованными”; “не зная историю религии, невозможно быть культурным человеком”; “расширит кругозор учащихся”; “современный человек должен в этом разбираться”; “детям нужны многоплановые знания для общего развития” (ИМР).

“Дополнительные знания не помешают”; “полезно для общего развития”; “дети будут умнее”; “чтобы ученики были грамотными”; “для повышения кругозора в этой области”; “наши дети должны знать больше нас” (ОПК).

Изредка в подобных высказываниях звучит, отметим, и мысль о том, что расширение познаний школьников в этой предметной области будет способствовать их воспитанию в духе веротерпимости, уважения к иноверцам.

“Люди должны разбираться в религиях, уважать другие религии”; “уважать надо всякую веру – и хорошо бы знать с детства” (ИМР).*

Некоторые (1%, или 2% от ответивших на данный вопрос) идут еще дальше – рассматривают преподавание истории религий как способ профилактики межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

	Тема опроса - ИМР		Тема опроса - ОПК	
Как Вы считаете, изучение истории религий (основ православной культуры) в школе повлияет или не повлияет на отношения между людьми разных вероисповеданий? И если повлияет, то улучшит или ухудшит эти отношения?				
	все	высшее образование	все	высшее образование
Никак не повлияет	21	16	21	22
Улучшит	49	59	43	40
Ухудшит	10	11	12	22
Затрудняюсь ответить	21	14	25	16

Таблица 4

* Впрочем, встречается – крайне редко – и противоположная мотивировка: “Дети должны все религии знать, в том числе и ислам: террористы – враги номер один, их надо знать в лицо”.

“Это преподавание должно привести к взаимопониманию людей и верующих разных религий”; “чтобы был мир между народами – люди друг друга будут лучше понимать”; “чтобы не было национальных конфликтов” (ИМР).

Отметим в связи с этим, что участники обоих опросов в целом весьма оптимистично – и вместе с тем довольно похоже – отвечают на вопросы о том, как преподавание той или иной дисциплины отразится на межконфессиональных отношениях (табл.4).

Заслуживает внимания тот факт, что различия в распределении ответов (сами по себе – незначительные) обусловлены главным образом позицией респондентов с высшим образованием, которые выражают надежду на благотворное влияние курса истории религий на межконфессиональные отношения намного чаще, а опасения по поводу возможности ухудшения этих отношений вследствие введения данной дисциплины в школьную программу – намного реже, чем когда речь идет о преподавании основ православной культуры.

Как мы видели, в аргументации сторонников введения курса истории религий преобладают доводы, полностью совпадающие с доводами сторонников преподавания основ православной культуры и основанные на интерпретации этой дисциплины как призванной прививать школьникам религиозное мировосприятие. Поэтому едва ли может вызвать удивление тот факт, что почти две трети опрошенных (63%) предпочли бы видеть в роли преподавателя истории религий человека верующего (табл.5). Кстати, даже среди респондентов, заявляющих, что сами они к числу верующих не относятся, такую позицию занимает каждый второй (50%).

Показательно, что и в этом случае суждения опрошенных с высшим образованием заметно выделяются на общем фоне. Если преподавателем основ православной культуры они в подавляющем большинстве своем, как и прочие россияне, сочли бы естественным видеть человека верующего, то когда речь идет о курсе истории религий, высокообразованные респонденты чаще полагают, что учитель может либо даже должен быть атеистом, чем настаивают на его религиозности.

Обратившись к доводам сравнительно немногочисленных противников рассматриваемых педагогических проектов, мы и здесь обнаружим сходство аргументации, обусловленное тем, что обе версии “религиозного просвещения” воспринимаются респондентами почти одинаково – как ориентированные прежде всего на приобщение школьников к религии. Каждый третий из числа ответивших на открытый вопрос о причинах своего негативного отношения к введению соответствующего учебного курса – по 4% от числа участников обоих опросов – прямо говорил, что считает недопустимым навязывать детям веру, что этот вопрос каждый человек должен решать самостоятельно.

“Нельзя навязывать веру”; “кому надо – тот верит; зачем заставлять всех?”; “к вере должен человек прийти сознательно и самостоятельно”; “кому надо, тот сам в церковь придет”; “это – дело каждого человека” (ОПК).

Таблица 5

	Тема опроса – ИМР		Тема опроса – ОПК	
	все	высшее образование	все	высшее образование
Если в школе будет введен предмет “История религий” (“Основы православной культуры”), то, по Вашему мнению, лучше, чтобы его преподавал верующий человек, неверующий человек, или это не имеет значения?				
Верующий	63	44	72	70
Неверующий	8	19	3	8
Это не имеет значения	21	30	14	15
Затрудняюсь ответить	8	7	10	8

Таблица 6

	Тема опроса – ИМР	Тема опроса – ОПК
Как Вы считаете, история религий (основы православной культуры) должна(-ы) быть обязательным предметом для всех учащихся или факультативным предметом только для желающих? Или этот предмет вообще не должен преподаваться в школах?		
ИМР (ОПК) – обязательный предмет	21	22
ИМР (ОПК) – факультативный предмет	61	54
ИМР (ОПК) не должна(-ы) преподаваться в школах	9	10
Затрудняюсь ответить	9	14

“Не надо навязывать людям веру”; “если ребенок сам заинтересуется, он найдет дорогу к храму”; “нельзя насаждать религию”; “у каждого человека свой путь в религии, и что-то вдалбливать не надо”; “вера – это личное дело каждого” (ИМР).*

Не будем подробно излагать другие доводы, но отметим, что участники обоих опросов, высказывающиеся против “религиозного просвещения”, практически одними и теми же словами говорили о недопустимости преподавания соответствующих предметов в многоконфессиональной стране (“у нас в стране много религиозных конфессий – это дискриминация” – ОПК, “будет преобладать православная религия, а в нашей стране много конфессий” – ИМР), о своем недоверии к священникам (“я им не верю, этим батюшкам” – ОПК, “эти батюшки натворят еще, подождите” – ИМР), воспроизводили “классические” атеистические лозунги (“это все-таки дурман для народа” – ОПК, “опиум для народа” – ИМР), возмущались намерением “забивать голову” детям и т.д.

Участникам обоих опросов был задан также вопрос о том, каким должен быть статус новой учебной дисциплины. Респонденты в обоих случаях весьма уверенно высказались за то, чтобы “религиозное просвещение” было факультативным (табл. 6).

Как явствует из таблицы 7, лишь примерно треть сторонников введения курса истории религий настаивают на том, чтобы этот предмет проходили все школьники; почти вдвое больше тех, кто предпочитает предоставить им (и их родителям) свободу решать, посещать ли эти уроки. В то же время почти половина противников введения этого курса, как выясняется, не возражали бы против его появления в учебной программе в качестве факультативного предмета**.

Судя по обсуждению этого вопроса на фокус-группах, даже те, кто хотел бы, чтобы курс истории религий был обязательным для всех учащихся (кстати, сторонники этой точки зрения и на групповых дискуссиях неизменно оказывались в меньшинстве), как правило, не склонны приравнивать эту дисциплину к “обычным” предметам школьной программы.

Представим на минуту, что речь зашла бы о предложении сделать факультативным предметом математику, химию или даже вполне гуманитарную дисциплину – допустим, историю. Едва ли можно сомневаться в том, что возмущенные противники подобного новшества в первую очередь заговорили бы о невозможности в таком режиме приобрести необходимые знания, полностью усвоить учебный материал. В данном же случае этот контраргумент вообще не звучал.

Сторонники обязательного посещения уроков истории религий либо высказывались против факультативов вообще, полагая свободу выбора учебных дисциплин в принципе неприемлемой для средней школы и считая, что школьники не станут по-

* Можно предположить, правда, что некоторые респонденты, высказываясь подобным образом, сознают, что сама идея преподавания истории религий этого не предполагает, но считают, что на практике дело сведется именно к “насаждению” веры. Однако таких наверняка не много – во всяком случае, подобный мотив прозвучал лишь в одной реплике: “потому что беспристрастно преподавать ее они не будут, будут насаждать православие насильно”.

** Похожие пропорции – и в распределении ответов на вопрос о желательном статусе курса основ православной культуры.

Россияне считают, что “религиозное просвещение” – в какой бы версии оно ни вводилось – должно быть факультативным

	Все	Как Вы относитесь к идее ввести преподавание истории религий в средней школе – положительно, отрицательно или Вам это безразлично?			
		положительно	безразлично	отрицательно	затр. ответить
Как Вы считаете, история религий должна быть обязательным предметом для всех учащихся или факультативным предметом только для желающих? Или этот предмет вообще не должен преподаваться в школах?					
ИМР – обязательный предмет	21	32	6	0	3
ИМР – факультативный предмет	61	61	70	43	71
ИМР не должна преподаваться в школах	9	0	9	50	6
Затрудняюсь ответить	9	7	15	7	20

сещать никакие занятия, если их к этому не принуждать, либо говорили о том, что дети не могут заранее знать, что даст им “религиозное просвещение”, и сделать осознанный выбор, а потому следует обязать их прослушать соответствующий курс. Но в любом случае они решительно высказывались против того, чтобы по данному предмету школьникам выставлялись оценки, причем этот момент никаких разногласий на фокус-группах не вызывал.

1-й участник: *Я считаю – обязательно <посещать уроки>, но не зачет, просто условно. Не сдавать экзамены, а ставить, что просто прослушал.*

2-й участник: *Я за обязательку, но не за оценки. Потому что многие люди не созрели еще, чтобы понять. Все созревают по-разному. У каждого человека наступает определенный момент, когда наконец-то до него доходит: ах, вот о чем говорили” (ДФГ, Воронеж).*

Участница фокус-группы в Петербурге, твердо уверенная, что *“на факультативы никто ходить не будет”*, что *“факультатив – это совсем несерьезно”*, заявляет, что *“это должен быть такой предмет, как все, но просто не с обязательным экзаменованием”*.

Сторонники факультативного преподавания истории религий также самым определенным образом высказывались против того, чтобы ставить ученикам отметки.

Всеобщее мнение о неприменимости обычного способа оценки школьных знаний к истории мировых религий (равно как и к основам православной культуры) – самый, вероятно, очевидный симптом того, что этому предмету априори приписывается особый статус. Другой, и тоже весьма показательный, симптом – разногласия суждений относительно того, на каком уровне должно приниматься решение о введении в школах таких дисциплин.

Участникам опроса был задан следующий вопрос: *“Одни считают, что каждый регион должен иметь право самостоятельно решать, вводить или не вводить преподавание истории религий в школах региона. Другие – что это решение должно быть единым для всех российских регионов. Какая точка зрения Вам ближе?”* “Голоса” разделились поровну: 40% сочли, что вопрос должен решаться на федеральном уровне, 40% – что на региональном, остальные затруднились с ответом*. Но на фокус-группах обсуждалась не только эта дилемма. Участники дискуссий высказывали самые различные суждения относительно того, как, на их взгляд, следовало бы принимать решение о введении некоего предмета, связанного с религией, в школьную программу (на этой стадии обсуждения вопрос о конкретном содержании соответствующей дисциплины еще не затрагивался).

Сторонников принятия такого решения на федеральном уровне среди участников фокус-групп оказалось не очень много. Обосновывая свою позицию, они гово-

* Участники опроса, в ходе которого речь шла о курсе основ православной культуры, несколько чаще предпочитали доверить решение регионам – 45% против 35%, высказавшихся в пользу принятия решения на федеральном уровне.

рили, в частности, о необходимости одинакового подхода ко всем учащимся, об общенациональном значении “религиозного просвещения”, о необходимости предотвратить проникновение “нежелательных” деноминаций и сект в школы.

“А что тут огород городить? ..Если уж развивать, так всех надо развивать” (ДФГ, Москва).

“Теперь возникает вопрос: на уровне школы? Да нет, по-моему, на федеральном, наверху. Надо же возвращать, возрождать Россию. Она же сейчас вымирает со страшной силой, потому что нет цели, нет стимула” (ДФГ, Воронеж).

“Надо на федеральном уровне решать вопрос. Потому что если мы решим на местном уровне, то тут все баптисты пойдут и т.д. У нас христианская страна – давайте по православной религии” (ДФГ, Воронеж).

Некоторые полагают, что данный вопрос должен решаться региональными властями (прозвучало и предложение о региональных референдумах) либо властями муниципальными, – причем одна участница дискуссии в Москве предложила, чтобы последние делали это по согласованию с церковью.

“Наверное, пусть все-таки этот вопрос решают местные советы” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Управа вместе с церковью” (ДФГ, Москва).

Но кроме этого на всех фокус-группах высказывалась и неизменно встречала определенную поддержку мысль о том, что решение должно приниматься администрациями школ, которым при этом следует учитывать не только свои возможности (некоторые опасались трудностей, связанных как с перегруженностью учебного плана, так и с отсутствием учителей, которые могли бы преподавать новую дисциплину), но и позицию родителей. На необходимости проведения родительских собраний либо даже получения письменного согласия родителей на введение “религиозного просвещения” настаивали, подчеркнем, довольно многие.

Весь ход дискуссий на фокус-группах, как и рассмотренные выше ответы респондентов на открытые вопросы, не оставляет сомнений в том, что притягательность самой идеи “религиозного просвещения” для наших сограждан определяется прежде всего тем, что новый педагогический проект интерпретируется как преимущественно воспитательный и в известной мере – призванный исполнять те функции, которые в советские времена возлагались на комсомольскую и пионерскую организации. Проиллюстрируем это уже самыми первыми репликами, прозвучавшими на всех трех фокус-группах после того, как модератор объявлял тему беседы и спрашивал, следует ли преподавать в школе какие-то предметы, связанные с религией.

“Я считаю, при нашем строе это нужно. Какая-то идея должна быть в обществе. Человек должен стремиться к чему-то хорошему. Религия дает положительный задел души, любая религия: мусульманская, христианская и т.д. Она дает стремление жить, развивать в себе какую-то индивидуальность. У нас нет сейчас никакой идеологии. Была коммунистическая, мы стремились к чему-то хорошему – а сейчас нет такого. Религия способна удержать человека от злых помыслов” (ДФГ, Воронеж).

“Ну потому что у нас очень много открыто казино: они все, дети, сейчас больше играют в игровые автоматы – и это меня очень... Я считаю, что это ужасно. Дети у нас неидейные, ни патриотизм не развивается. А потом они как-то – ну я не знаю...” (ДФГ, Москва).

“Потихонечку, но это надо делать. Очень аккуратно, но это надо обязательно делать, чтобы у детей появлялся какой-то стержень. Раньше – это у нас октя-

Респонденты категорически против того, чтобы школьникам выставлялись оценки по курсу истории религий

братя, пионеры – а сейчас? Для нравственности, я считаю, что это обязательно надо” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Некоторые участники групповых дискуссий трактовали идею о воспитательной роли “религиозного просвещения” совершенно механистически.

“Если вас будут математике учить – вы будете уметь... будете считать? Конечно, будете. Если они преподают нравственность, то и дети будут нравственные” (ДФГ, Москва).

“Религия – это средство для выправления мозгов” (ДФГ, Воронеж).

Большинство респондентов, впрочем, рассуждают не столь прямолинейно. Однако и они исходят из того, что преподавание истории религии – как и основ православной культуры – должно иметь определенный воспитательный эффект. Лишь изредка эта точка зрения встречает возражения.

“...вот здесь говорилось о воспитании, о духовности. Воспитывать надо в своих семьях своих детей, я считаю, это вот лично мое мнение. И не надо свое, как бы, родительское переваливать на чьи-то плечи” (ДФГ, Москва).

“Вот сейчас, видите ли, они вот такие вот злые, а мы их вот в религию – и они сразу добрые станут. Вот мне кажется, что добрыми можно и без религии воспитывать. Так что, дорогие родители, воспитывайте их добрыми, и не обязательно вот тут нужно, чтобы религия нам на помощь пришла. Религия – это немножко другое дело” (ДФГ, Москва).

Подавляющее большинство россиян воспринимают идею преподавания истории религий как воспитательный и в значительной степени – идеологический проект, видят в этом курсе, по существу, инструмент социального контроля

Следует отметить, что участники фокус-групп готовы признать благотворное влияние на нравственность молодежи за всеми мировыми религиями. Но при этом они, в большинстве своем, не видят особого смысла в том, чтобы рассказывать школьникам о различных религиях. И в этом есть определенная логика: если цель преподавания соответствующего курса усматривается в том, чтобы внушить детям некие представления о добре и зле – общие, как полагают респонденты, для всех религий, – то почему бы не ограничиться рассказом об одной религиозной традиции? Рассуждая примерно таким образом, респонденты зачастую говорят о том, что русским незачем изучать ислам или буддизм, а татарам или калмыкам – православие. Соответственно, нередко предлагается организовать дело так, чтобы школьникам преподавались основы какой-либо одной религии и чтобы у учеников и их родителей была возможность выбора (хотя многих и смущают “технические” сложности реализации такого подхода). И хотя на всех фокус-группах раздаются голоса тех, кто полагает, что целью учебного курса должно стать именно ознакомление учащихся с разными религиозными традициями, лишь в одной из этих дискуссий (в Санкт-Петербурге) такая позиция представлена широко.

Правда, некоторые участники фокус-групп предлагают и компромиссный вариант, предусматривающий относительно подробный рассказ о православии и гораздо более лаконичный, обзорный – об иных религиозных традициях. С точки зрения пропорций в распределении учебного материала такой подход, надо сказать, близок к тому, который планируется реализовать в курсе истории мировых религий.

Но главная проблема состоит все же не в этих пропорциях, а в том, как соотносятся задачи, возлагаемые на новый педагогический проект его инициаторами, и, соответственно, содержание данной учебной дисциплины, с одной стороны, и ожидания граждан – с другой. Результаты исследования определенно свидетельствуют о том, что лишь сравнительно немногие россияне, причем преимущественно – имеющие высшее образование, видят в курсе истории мировых религий сугубо “светский” учебный предмет, призванный расширить кругозор учащихся, повысить их культурный уровень. Вместе с тем практически никто не рассматривает перспекти-

ву введения этого курса и с собственно религиозных позиций – никто не говорит, например, о том, что приобщение школьников к религии в рамках данной учебной дисциплины направит их на путь, ведущий к спасению души*. Подавляющее большинство россиян воспринимают новый педагогический проект как воспитательный и в значительной степени – идеологический, говоря шире – как инструмент социального контроля.

Подобный, сугубо функциональный подход к “религиозному просвещению” придает курсу истории мировых религий особый статус, выводит этот предмет за пределы круга собственно учебных, образовательных дисциплин. Следовательно, в случае реализации данного проекта может возникнуть определенный диссонанс, обусловленный противоречием между его изначальной интенцией и преобладающей в сознании россиян интерпретационной схемой**. И вполне вероятно, что, несмотря на позитивное отношение большинства опрошенных к самой идее преподавания истории мировых религий, процесс “привыкания” к этому предмету, его легитимации как “равноправной” с прочими учебной дисциплины окажется непростым и длительным. ■

* Кстати, этот мотив ни разу не возник и тогда, когда речь шла о преподавании основ православной культуры, – ни на групповых дискуссиях, ни в ответах респондентов на открытые вопросы.

** Этот диссонанс может проявляться, например, в том, что родители тех школьников, которые начнут приносить домой “двойки” по новому предмету, будут либо воспринимать их как “неуды” по поведению, либо возмущаться по поводу самой практики оценивания успехов и неудач в освоении данного курса по критериям, которые применяются на “обычных” уроках.

Так говорил респондент...

– В чем, по Вашему мнению, заключались положительные результаты перестройки для нашей страны?

– *Цель отпустили, гавкай на кого хочешь, а в миске как было пусто, так и есть.*

– Почему Вы считаете, что государство должно ради возвращения из-за рубежа капиталов российских бизнесменов закрывать глаза на происхождение этих денег, объявить “амнистию капиталов”?

– *У нас своровали, пусть у нас и держат.*

– Почему Вы думаете, что допустимо намеренно перекрывать дороги в ходе акций протеста?

– *Я бы вообще перекрыл все на свете, чтобы правительство задумалось.*

– Перечислите, пожалуйста, несколько высказываний, решений и действий В. Путина за прошедшую неделю, которые Вам запомнились и не понравились, вызвали возражения.

– *Бабке в Серпухове привез “Волгу”. Ей уж помирать, зачем ей машина?*

– Какие события прошедшей недели, о которых сообщалось в средствах массовой информации, больше всего заинтересовали Вас, привлекли Ваше внимание?

– *В США некоторые автобусы ездят на подсолнечном масле.*

– Почему Вы относитесь к марксизму положительно?

– *Ленин последнее пальто свое отдал, а сейчас что творится?*

– А какие отрицательные последствия для России имела приватизация?

– *Все пришло в одни руки, и они утлыли за границу.*

– Почему Вы доверяете Генеральной прокуратуре?

– *Поневоле.*

– В чем Вы видите отрицательное влияние приезжих на жизнь Москвы?

– *Приезжие возбуждают своими деньгами продажные чувства чиновников.*

– Почему Вы предпочли бы иностранную сборку?

– *Русская машина – ошибка природы.*

(из опросов ФОМа)